

А.А. Иванов *

КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ РОССИИ В 1918–1920 ГГ.: ТЕРРОР ПОД ФЛАГОМ БОРЬБЫ СО ШПИОНАЖЕМ

Гражданская война в России представляла собой сложный и многогранный феномен, повлекший разрушение ранее существовавшего государственного устройства, с одной стороны, и целую комбинацию новых социокультурных процессов – с другой. Раскол страны в условиях образовавшегося вакуума легитимной власти привел к перерастанию политического конфликта между приверженцами большевиков и их противниками в военное противостояние, ареной которого стала вся Россия. Это противостояние носило ожесточенный характер и реализовывалось в разнообразных формах, одной из которых стал массовый террор по отношению к идейным врагам, их сторонникам и даже мирному населению, пассивному к вооруженной борьбе.

Общеизвестно, что одну из немаловажных ролей в осуществлении «белого» террора сыграли контрразведывательные службы антибольшевистского движения. Несмотря на это, история участия органов по борьбе со шпионажем в массовых репрессиях в течение 1918–1920 гг. пока еще не нашла

детального отражения в научной литературе. Постараемся исправить это упущение, рассмотрев террористическую составляющую в работе контрразведывательных органов Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР) на примере Черноморской губернии.

Первые органы профессиональной военной контрразведки (военного контроля) появились в данном регионе в 1916 году и были представлены контрразведывательными пунктами (КРП) Департамента полиции в Новороссийске и Батуме [1]. Создание этих учреждений было прямым следствием личной инициативы директора Департамента Р.Г. Моллова, стремившегося разрушить монополию Генерального Штаба на противодействие иностранной разведывательно-диверсионной деятельности в Российской Империи. По его словам, «борьбу со шпионажем нужно сделать открытой, популяризировать ее, придать ей патриотический характер», вовлечь в контршпионскую деятельность «все слои общества, все правительственные учреждения независимо от того, к какому они принадлежат ведомству» [2].

* Иванов А.А. – преп. каф. социально-культурного сервиса и туризма Мурманского института экономики Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Необходимость создания военно-контрольных ведомств именно в этих городах объяснялось тем, что Батум был единственным опорным пунктом русского флота в юго-восточной части Черного моря, а германотурецкое командование обладало точными агентурными данными о действиях русского флота на этом театре военных действий [3]. Это стало своеобразным началом исправления недостатков общей системы военно-морской контрразведки Российской Империи, но определенные коррективы в этот процесс внесла Февральская революция.

Падение монархии спровоцировало начало распада единой системы отечественных правоохранительных органов. Наиболее губительное влияние она произвела на службу политического сыска, сущность работы которой сводилась к противостоянию попыткам насильственного изменения государственного устройства страны. В России эта служба была представлена такими учреждениями как Департамент полиции и Отдельный корпус жандармов, но уже к середине марта 1917 г. их филиалы на Юге были ликвидированы представителями новой власти. В частности, Кубанское губернское жандармское управление было закрыто, а «жандармы и полиция разоружены» [4]. Та же участь постигла и контрразведывательные пункты Черноморского побережья.

Как следствие, организационное строительство контрразведки ВСЮР на данной территории, по признанию боль-

шинства специалистов, развернулось практически на пустом месте и без какой-либо формальной преемственности с ранее существовавшей системой. Своеобразной основой для них стали контрразведки, существовавшие при подпольных офицерских организациях. Так на территории Юга России появился КРП в Сухуме [5]. Активное участие в борьбе с вражеской агентурой также принимали паспортные пропускные пункты в Новороссийске и Батуме, хотя их состав и не превышал нескольких человек [6].

Кроме них контрразведку вела и неправительственная организация «Азбука», созданная по инициативе В.В. Шульгина и практически неподконтрольная военным и гражданским властям Белого движения [7]. В дальнейшем, разнообразные независимые контрразведки стали создаваться практически во всех воинских частях и населенных пунктах. К примеру, «в Новороссийске контрразведкою называлось сразу несколько учреждений. [...] Где кончалось одно и начиналось другое учреждение, сказать не берусь: тут все переплелось и перемешалось» [8].

По мнению историка Н.С. Кирмея, «появление многочисленных, не контролируемых верховной властью спецслужб, доставляло немало проблем белогвардейскому командованию. Действуя лишь по указанию своего непосредственного начальства, «самостийные» контрразведки нарушали

законность» [9]. Это понимали и сами лидеры антибольшевистского движения, согласно докладам которых «мешая друг другу, все эти учреждения препятствуют порядку и процветанию. Они подрывают авторитет, как власти, так и военных» [10], «борьба с самочинными контрразведчиками должна быть беспощадной, так как ничто так не подрывает авторитет Добровольческой Армии, как незаконные действия этих самочинных органов власти» [11].

Таким образом, децентрализация военно-контрольных органов повлекла за собой рост репрессивной составляющей в их работе. Общее мнение о военно-контрольной службе выразил министр Внутренних дел белогвардейского правительства А.А. Хвостов: «институт контрразведки в том виде, в каком он ныне существует в Добровольческой армии, совершенно не достигает своей цели. Он терроризирует тех, на кого Добровольческая армия могла опереться, и недостаточно энергично, если не сказать более, занимается своим прямым делом – поиском коммунистов» [12]. С этим нельзя не согласиться, учитывая, что предоставляемые контрразведчиками сведения носили самый общий характер и почти не давали фактической информации о действиях агенты противника [13].

Тем самым, становится очевидно, что ошибки, допущенные в процессе оформления организационно-штатной структуры военной контрразведки

ВСЮР спровоцировали их трансформацию из контршпионского в террористическое учреждение. По меткому выражению В.В. Шульгина «жестокости красных были проявлением Власти, тогда как жестокости белых были следствием Безвластия...» [14]. Другой важной причиной такого превращения были особенности кадровой политики противников при комплектовании данных ведомств.

Военно-политических характер Гражданской войны требовал привлечения к осуществлению контрразведывательных мероприятий как специалистов по борьбе со шпионажем, так и опытных работников политической полиции. На это, в частности, обращал внимание начальник контрразведки в Батуме капитан Мусиенко [15]. Однако многие лидеры антибольшевистского движения на Юге России, среди которых был и А.И. Деникин, не доверяли бывшим жандармам и старались не привлекать их на службу [16]. В то же время, нельзя говорить о нехватке на южном театре военных действий опытных сотрудников Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов. В частности, «в Сочи можно было встретить [...] бывших жандармов», «все они находились на свободе, никем не преследовались и жили совершенно спокойно, ничем не отличаясь от других обывателей» [17].

Однако подобный кадровый резерв не был в полной мере задействован белогвардейским

военным командованием. При этом в органы военного контроля стали проникать авантюристы и мошенники, не имевшие ни опыта агентурной работы, ни устойчивых моральных принципов. Они шли в контрразведку с целью наживы и грабежа, часто занимаясь фабрикацией дел, вымогательством, хищением денежных средств и реквизициями у местного населения, нередко сопровождавшимися расстрелами [18]. При этом оплата услуг контрразведчиков не соответствовала сложности их работы, а постоянные задержки выплат жалования привели к тотальному уходу опытных контршпионских работников со службы.

Редким исключением в этом отношении были органы военного управления на Черноморском побережье Кубани, где «на кадровые должности были назначены опытные чины прежней жандармерии и полиции» [19]. К примеру, начальником военного контроля в Новороссийске некоторое время был бывший начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев [20]. Но даже, несмотря на это, «то, что творилось в застенках контрразведки Новороссийска, напоминало самые мрачные времена средневековья» [21].

Воспоминания участников антибольшевистской борьбы на Юге России полны весьма нелестными отзывами о работе контрразведывательных служб ВСЮР. В частности, вот мнение В.В. Шульгина: «Про «контрразведку» я не могу рассказать

многого... Я не был в достаточном курсе дела. Но общее у меня сложилось впечатление, что если бы ее совсем не было в Добровольческой Армии, то было бы лучше», «контрразведка быстро обросла маньяками, мошенниками и бандитами, среди которых большевистские агенты плавали, как у себя дома. Порядочные люди попадали в контрразведку не густо» [22]. По словам П.Н. Врангеля, «произвол и злоупотребления чинов государственной стражи, многочисленных органов контрразведки и уголовно-розыскного дела стали обычным явлением», а Г.Я. Виллиам был еще резче: «деникинская контрразведка представляла собой [...] что-то ни с чем несообразное, дикое, бесчестное, пьяное, беспутное» [23].

Все в полной мере относилось и к военному контролю Черноморской губернии. Согласно воспоминаниям А.И. Деникина, «к великому сожалению, окружная администрации Черноморской губернии оказалось в некоторых местах корыстной и преступной; войска злоупотребляли не раз реквизициями; контрразведка вносила своими действиями элементы произвола; карательные экспедиции были суровы» [24].

С последним нельзя не согласиться, учитывая, что методы дознания сотрудников военного контроля трудно назвать гуманными. К примеру, согласно мемуарам члена Сочинского Окружного исполкома Н.В. Вороновича, при

попытке предотвращения делегатского съезда крестьян Черноморской губернии деникинские борцы со шпионажем применяли весьма своеобразные средства получения информации: «Один делегат Новороссийского и два делегата Сочинского округов были арестованы чинами контрразведки и подверглись жестокой порке шомполами, так как отказались выдать имена организаторов съезда и назвать деревню, в которой он был назначен» [25].

Ввиду приведенных фактов, в августе 1919 года о работе контрразведки был сделан неутешительный вывод: «Личный состав в большинстве случаев был совершенно несоответствующий, теперь начинает улучшаться, но и сейчас имеет много совершенно неподготовленных к работе в контрразведке» [26].

Мало того, нередко сотрудники военно-контрольной службы оказывались советскими шпионами. К примеру, это было актуально для контрразведывательных органов антибольшевистского движения на Кубани: «Коммунисты, под видом мелких агентов контрразведки, государственной стражи и поставщиков интендантства, проникли во все штабы и знали все секреты Добрармии, информируя своих Московских товарищей о всем происходящем в тылу и прифронтовой полосе. В этом я имел возможность убедиться летом 1920 года во время моего кратковременного пребывания в занятом большевиками Сочи, где один из таких агентов смеялся

рассказывал мне, как он служил в Добровольческой контрразведке, благодаря чему имел возможность подробно сообщать о составе, численности и расположении Деникинских войск» [27].

Немаловажную роль в нарастании репрессивной составляющей в работе контрразведок сыграла и психологическая подоплека данного вида деятельности – усталость от Мировой войны, бытовая изнанка боевого героизма и внутренние противоречия антибольшевистского лагеря выразились в так называемом «белом» терроре на Юге [28]. Кроме того, свою роль сыграло и желание отомстить большевикам и «зеленым» за убийство своих сослуживцев. К примеру, один из агентов новороссийской контрразведки был застрелен на городском базаре при попытке произвести арест одного из местных повстанцев, что повлекло за собой ответные репрессии чинов военно-контрольной службы. По словам историка Н.А. Почешхова, «для многих определяющим стал принцип «кровь за кровь», «око за око». [...] Достаточно было произвести плохое впечатление на офицера, агента контрразведки, какого-нибудь члена государственной стражи, как судьба этого человека была решена» [29].

В то же время, одной из важнейших причин превращения органов по борьбе со шпионажем в террористическую организацию следует признать пассивное отношение местного населения к

противодействию большевистской агентуре. Во-первых, представители либеральной общест-венности принципиально отка-зывались становиться осведоми-телями контрразведки, за что их неоднократно упрекали сотруд-ники контршпионских учрежде-ний: «Вы, господа, все желаете выполнять аристократическую часть работы. На кого же сва-лить черную, грубую, под час не-приятную работу? А ведь она так же нужна...» [30]. Во-вторых, большинство офицеров ВСЮР весьма негативно относились к любым попыткам проведения контрразведывательных меро-приятий среди командного со-става, что являлось следствием традиционной корпоративности и обособленности офицерского корпуса Русской армии, чей менталитет «изначально был не-гативен по отношению к любому виду оперативного поиска в сво-ей среде» [31]. Например, П.Н. Врангель воспринял слежку за собой агентов новороссийской контрразведки, как личное ос-корбление.

Исходя из этого, контршпион-ская служба не имела возможно-сти создать на территории Чер-номорской губернии обширную агентурную сеть, являющуюся наиболее рациональным средст-вом борьбы с вражеской разве-дывательно-диверсионной дея-тельностью. В результате, огра-ниченность источников инфор-мации о действиях большевист-ской агентуры стала компенси-роваться усилением репрессий в отношении местного населения, оказывавшего ей поддержку. Так на Юге была развернута ши-

рокая волна «белого» террора, спровоцировавшая падение ав-торитета антибольшевистского движения и, в конечном счете, его поражение.

Примечания:

1. *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. – М., 2004. С.59.

2. *Галвазин С.Н.* Охранные структуры Российской Империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. – М., 2001. С. 82.

3. *Гречанов Н.М., Ляхович А.А., Шломин В.С.* Действия русского флота на Черном море (1914–1917). // Флот в Первой мировой войне. В 2-х т. Т. 1. – М., 1964. С. 351–352.

4. Революционное движение в России после свержения само-державия. – М., 1957. С. 271.

5. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.

6. *Кирмель Н.С.* Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской вой-ны в России (1918–1922 гг.). – М., 2007. С. 22.

7. *Цветков В.Ж.* Спецслужбы (разведка и контрразведка) Бе-лого движения в 1917–1922 го-дах. // Вопросы истории. 2001. №10. С. 131.

8. *Виллиам Г.Я.* Побержден-ные. // Архив русской револю-ции. Т. 7. – М., 1991. С. 232.

9. *Кирмель Н.С.* Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской вой-ны в России (1918–1922 гг.). – М., 2007. С. 23.

10. *Бортневский В.Г.* Белая разведка и контрразведка на Юге России во время Гражданской войны. // Отечественная история. 1995. №5. С. 95.
11. РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 236. Лл. 24–24об.
12. *Бортневский В.Г.* Белая разведка и контрразведка на Юге России во время Гражданской войны. // Отечественная история. 1995. №5. С. 96.
13. РГВА. Ф. 39749. Оп. 1. Д. 1. Лл. 1–10.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 268.
15. ГАРФ. Ф. Р-6396. Оп. 1. Д. 9. Л. 21.
16. *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. // Вопросы истории. 2002. №10. С. 70.
17. *Воронович Н.В.* Меж двух огней. // Архив русской революции. Т. 7. – М., 1991. С. 78–79.
18. *Кирмель Н.С.* Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918–1922 гг.). – М., 2007. С. 46–47.
19. *Воронович Н.В.* Меж двух огней. // Архив русской революции. Т. 7. – М., 1991. С. 102.
20. РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 60. Л. 9.
21. *Виллиам Г.Я.* Побежденные. // Архив русской революции. Т. 7. – М., 1991. С. 233.
22. ГАРФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 259.
23. *Виллиам Г.Я.* Побежденные. // Архив русской революции. Т. 7. – М., 1991. С. 232.
24. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. – Мн., 2002. С. 274.
25. *Воронович Н.В.* Меж двух огней. // Архив русской революции. Т. 7. – М., 1991. С. 110.
26. РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 236. Л. 1.
27. *Воронович Н.В.* Меж двух огней. // Архив русской революции. Т. 7. – М., 1991. С. 108.
28. *Голдин В.И.* Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 1990-е годы). – Архангельск, 2000. С. 171.
29. *Почешхов Н.А.* Социально-экономические и военно-политические проблемы в Северо-западных районах Юга Европейской России в период Гражданской войны (1917–1921 гг.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02. – Ростов-на-Дону, 2006. С. 41.
30. *Виллиам Г.Я.* Побежденные // Архив русской революции. Т. 7. – М., 1991. С. 221.
31. *Кирмель Н.С.* Становление военной контрразведки Российской Империи. // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 52.